

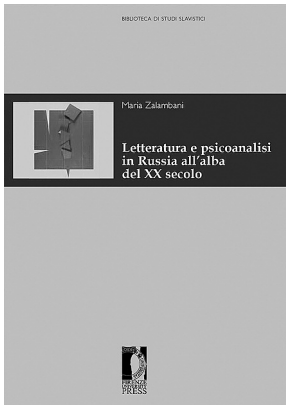
Третий полюс психоанализа

DOI: 10.53953/08696365_2023_180_2_323

Zalambani M. *Letteratura e psicoanalisi in Russia all'alba del XX secolo.*

Firenze: Firenze University Press, 2022. — 274 p. — (Biblioteca di Studi Slavistici; 47).

В монографии «Литература и психоанализ в России на заре XX века» Мария Заламбани исследует замысловатые отношения между двумя областями знания о человеке, показывая, что у них больше общего, чем различий, и именно этим объясняя, почему «неожиданно теория Фрейда распространилась в России быстрее и раньше, чем в странах Западной Европы» (с. 9). Монография опирается на внушительный корпус работ (почти 700 наименований), среди которых — единственная до настоящего времени монография по данному вопросу — книга А. Эткинды 1994 г. «Эрос невозможного».

Нарративная природа психоанализа оказалась в резонансе с русским литературоцентризмом, покоящимся на психологической интроспективности родной словесности, вкупе со специфическим опытом символизма и авангарда; аналогии были немедленно уловлены и отрефлексированы формалистами. После Октябрьской революции именно в России «психоанализ переходит от маргинального состояния к институционализации. Советское правительство поначалу признало теорию Фрейда государственной наукой <...> для проникновения в извивы индивидуального бессознательного, в конечном итоге для того, чтобы познать и управлять этим скрытым миром...» (с. 11). В первой части книги разбирается, как в российских и западных

исследованиях отразились отношения между психоанализом и литературой в аспекте «русского эксперимента». Автор отмечает возникший сразу взаимообмен, в котором фрейдистская теория черпает материал и приемы из изящной словесности, а та, в свою очередь, использует психоаналитический метод как инструмент литературоведения. Близость структуры бессознательного и структуры литературного языка, на которую западное литературоведение обратило внимание во второй половине XX в., русскими футуристами и формалистами была осознана гораздо раньше. Так, размышления В. Шкловского «демонстрируют, как мысль формальной школы развивается в культурном контексте, в котором психоанализ посеял свои семена» (с. 28): его определение зауми созвучно описаниям бессознательных процессов, а идея остранения близка фрейдовскому методу свободных ассоциаций. «Связь с бессознательным обнаруживают <...> сдвигология и поэтика ошибки. Поэты-футуристы Илья Зданевич, Крученых, Игорь Терентьев <...> неоднократно подчеркивают сходство между заумью и учением Фрейда» (с. 29). В идеях М. Бахтина («внимание к функции слова и высказывания, к диалогизму и к постоянному присутствию другого (бессознательного)», с. 33) М. Заламбани также видит предвосхищение некоторых более поздних западных гипотез, в частности выкладок

Лакана. Отголоски размышлений Бахтина обнаруживает автор в небольшом эссе Ю. Лотмана «О редукции и развертывании знаковых систем (К проблеме “фрейдизм и семиотическая культурология”», которое уже учитывает опыт Бенвениста, Лакана, Кристевой и др. и рассматривает комплекс сексуальных мотивов, лежащий в основе психоаналитической теории, как результат редуцирующего преобразования сложных текстов, которые ребенок получает из мира взрослых. «Лотман продолжает разговор, начатый Бахтиным, утверждая <...> что фрейдистское подзнание есть “замаскированное сознание”» (с. 35).

Вторая часть книги очерчивает исторические, социальные и культурные условия укоренения психоанализа в России. М. Заламбани отмечает, что «сам Фрейд считал Москву третьим полюсом психоанализа после Вены и Берлина» (с. 39), и прослеживает формирование русской психоаналитической школы. В 1908 г. психиатр Н. Осипов опубликовал первые статьи о психоаналитическом методе и организовал психотерапевтическую клинику при Московском университете, а с 1911 до 1913 г. издавал ключевые работы Фрейда в серии «Психотерапевтическая библиотека». Примечательно, что в 1913—1914 гг. в подмосковном Крюково, в частном приюте для душевнобольных, делал первые шаги в психотерапии Герман Роршах. По мнению М. Заламбани, «как в Европе, так и в России, *mutatis mutandi*, фрейдовский эксперимент является плодом буржуазной культуры и в то же время ее интерпретатором» (с. 50). Плодотворной областью исследования для психоанализа становится трансформация института семьи: «Принцип аффективного индивидуализма переосмысливает семью в менее авторитарных категориях» (с. 53). Автор связывает с фрейдистским осмыслением семьи и нараставшее осознание необходимости демократизации общества: «Традиционной отцовской иерархической власти, сосредоточенной в семье, на которой покоилась социально-экономическая структура царской России, серьезно угрожают сами постулаты психоаналитического метода» (с. 54). М. Заламбани подчеркивает, что русская культура начала века была вполне готова к встрече с психоанализом, поскольку уже в XIX в. писатели пристально вглядывались в скрытый мир бессознательного — гораздо раньше открытий Фрейда. Философско-религиозные поиски российских интеллектуалов стали «прелюдией к рождению символизма» (с. 65): его роднит с психоанализом «использование сложной семиотической системы, которая <...> включает символы, мифы, сны» (с. 66). Авангард, в значительной степени наследовавший символизму и еще более антитрадиционалистский, также обнаруживает ключевые созвучия с идеями Фрейда: «Для художников-авангардистов исследование бессознательного, по-видимому, означает уход от мира объектов в сторону абстракции <...> подобно психоанализу, авангардисты обращаются к примитиву как к истоку личности» (с. 67).

Важнейшая составляющая фрейдизма — придание человеческой сексуальности краеугольного статуса в психологии — в России в еще большей степени, чем в Европе, встречает противоречивый отклик. С одной стороны, тема секса всегда считалась и государством, и церковью, и традиционной русской культурой опасной для общества. С другой стороны, разговор об этом назрел, о чем свидетельствовала, например, «Крейцера соната» Л. Толстого. «Когда в начале века “Три очерка по теории сексуальности” Фрейда опрокидывают представление о сексуальности, русская интеллигенция уже обсуждает эту проблему, выдвигая, однако, положения, весьма отличные от фрейдистских» (с. 69).

Подробно останавливаясь на восприятии психоанализа в интеллектуальных кругах, М. Заламбани, в частности, отмечает роль Э. Метнера как «связующего звена между русским символизмом и аналитической психологией Юнга» (с. 71). Андрей Белый, с которым Метнера связывала интеллектуальная дружба, был кри-

тиком психоаналитической теории, однако и он «не мог полностью избежать влияния Фрейда», что доказывается в книге разбором некоторых мотивов романа «Котик Летаев». В 1920-е гг. Ю. Олеша, М. Зощенко, Н. Евреинов, С. Эйзенштейн уже в советских реалиях «демонстрируют, что знакомы с рассуждениями Фрейда и творят непосредственно под их влиянием, хотя часто вынуждены официально дистанцироваться от них — по цензурным соображениям» (с. 75). Зощенко маскировка не помогла, и его глубокий интерес к психоанализу стал одним из ключевых оснований для массивной обструкции. В российском (а затем и советском) обществе литература «работает как область знания, содержащая и примиряющая все науки» (с. 82), а писатель, и тем более поэт, имеет статус *maître à penser* (наставника). Придя в Россию, «психоаналитический язык в силу сильных аналогий, которые он имеет с поэтическим языком, наследует часть “сакральной” ауры» (с. 84). Первые русские психоаналитики активно обращаются к текстам Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Гаршина; психоаналитические идеи имеют прикладной характер и используются для изысканий в области педагогики и политики, активнее работают в театре, чем «на кушетке»: в России психоанализ «превращается в первую очередь в культурное и лишь во вторую — в медицинское явление» (с. 85). На заре советской власти (1922—1932) психоанализ стал делом еще и государственным, получив официальную поддержку в таких учреждениях, как Психоаналитический детский дом-лаборатория, Психоаналитический институт, Русское психоаналитическое общество. Однако в 1930-е гг. он подвергается критике как противоречащий марксизму, и «покров цензурного умолчания, обрушившийся на психоанализ, продлится долго и будет уничтожен только с приходом перестройки» (с. 122).

В третьей части книги исследуются иллюстративные примеры сопряжения психоаналитического метода и изящной словесности в работах Н. Осипова, Т. Розенталь, И. Ермакова и Ф. Досужкова. Николай Осипов — помимо прочего, корреспондент и переводчик Фрейда — задумывал целую книгу о Л. Толстом, которой не суждено было появиться, однако он написал ряд статей, одну из которых, посвященную «Запискам сумасшедшего», тщательно разбирает М. Заламбани. Осипов подходит к неоконченному рассказу Толстого как к «художественным мемуарам» о глубоком душевном кризисе, таким образом понимая это состояние Толстого не с общепринятой религиозно-духовной точки зрения, а с психоаналитической. Условно представляя толстовский текст как письмо, полученное от пациента, психиатр приходит к выводу, что герой переживает все симптомы психоневроза, описанные Фрейдом, которые позволяют поставить безошибочный диагноз. Работа Осипова оказывается практически вне поля литературоведения, текст Толстого здесь «исходный пункт для подробного описания психического расстройства и оценки эффективности и полезности психотерапии для его лечения» (с. 152).

Татьяна Розенталь в юности мечтала о гармоническом союзе учений Маркса и Фрейда, состояла в Венском психоаналитическом обществе, до революции работала и как практикующий психиатр, и ученый-теоретик, а после революции стояла у истоков бехтеревского Института по изучению мозга. Ее многоплановая деятельность включала и изучение текстов Ф.М. Достоевского «психогенетическим методом» (по ее собственному определению), сочетающим филологические и психоаналитические подходы. М. Заламбани пролеживает, как в статье «Страдание и творчество Достоевского» Розенталь обосновывает гипотезу, что «писатель находит избавление от внутренних призраков, проецируя свои страдания на персонажей» (с. 157). Розенталь следует мысли Фрейда о бессознательной природе творчества, но не соглашается с его «сексуальным монизмом» и видит генезис искусства не в сексуальности, а «во фрустрации, которую испытывает художник

по отношению к окружающей действительности» (с. 159). Важными для психоаналитического понимания художественных текстов Достоевского оказываются его знакомство с медико-психиатрической литературой и склонность к «автобиографическим признаниям» в обрисовке душевных патологий персонажей. Диагностируя у Достоевского эпилепсию «истерического, а не органического характера» (с. 165), Розенталь, по мнению М. Заламбани, предвосхищает выводы Фрейда по этому вопросу, высказанные в статье «Достоевский и отцеубийство». Существенно, что, несмотря на явный медицинский уклон в подходах, Т. Розенталь никогда не забывает о фикциональной природе литературного текста и исследует его именно как таковой.

Статьи Ивана Ермакова, в которых он интерпретирует во фрейдистском ключе Пушкина, Гоголя и Достоевского, по мнению автора книги, «в настоящее время имеют преимущественно историческую, а не психоаналитическую ценность» (с. 178). Однако в аспекте литературоведения они вполне могут представлять интерес как реализация «органического метода» (по определению самого Ермакова), позволяющего рассматривать литературное произведение в тесной связи со всем корпусом публикаций автора и с его личностью, и, в отличие от патографических процедур, учитывающего и эстетический аспект. По мысли Ермакова, используемый в повести «Шинель» прием сказа свидетельствует об исповедальности, о «покаянии страдающей души, которая себя наказывает»: «Эпитеты, порочащие и умаляющие героя, являются <...> самообвинением автора <...>. Акакий Акакиевич есть не что иное, как <...> результат самоанализа писателя» (с. 183—185). Причем, вполне в соответствии с соображениями Фрейда об остроумии, характер повествования помогает Гоголю замаскировать личный характер признаний.

Интерес Федора Досужкова к психоанализу сформировался в Праге под влиянием Н. Осипова, затем он сам внес основательный вклад в распространение теории Фрейда в Восточной Европе. Его статья «Психологические замечания по поводу сновидения Адриана Прохорова из повести А.С. Пушкина “Гробовщик”» имеет целью побудить читателя к изучению этой теории: «Художественный текст <...> создает почву для прививки нового, казалось бы, чуждого ему дискурса — психоаналитического. Досужков, играя на литературоцентризме русской культуры, обращается к тому, кого считают отцом современного русского языка и литературы, для поддержки тезисов Фрейда» (с. 192). Психоаналитик истолковывает сон Прохорова в соответствии с соображениями, заложенными в «Толковании сновидений». Фантасмагорические картины пира мертвецов объясняются дневными заботами гробовщика, определяющими психическое состояние спящего, они «исполняют» его неосознанные желания в образах, тревожность которых объясняется подавляемой моральной неприемлемостью желаний.

В научный аппарат книги входят краткие биографические справки об упомянутых лицах и перечень работ Фрейда, переведенных на русский язык к 1930 г. Последний включает 85 наименований и еще раз подтверждает мысль М. Заламбани об исключительно благоприятной культурной и социально-исторической ситуации для распространения психоанализа в России в первой трети XX в.